

Имитационное государство Россия

Андрей Маргулев

Проблема соотношения государства и права в приложении к реальному социально-политическому состоянию современной России, может быть наглядно отражена в сопоставлении следующих двух фактов. С одной стороны, Конституция РФ вот уже более 14 лет определяет Россию как «демократическое» и «правовое государство с республиканской формой правления» (статья 1). А с другой стороны – по опросу общественного мнения накануне вот уже 4-х по счету очередных выборов президента этого «демократического» и «правового» государства на вопрос: «От кого и отчего, на ваш взгляд, зависит, кто будет следующим президентом России?»*, – абсолютное большинство (64%) указывает на... действующего президента, его администрацию и окружение! А на волю самого избирателя указывают всего 19% опрошенных (второе место)... Из этого сопоставления сразу можно сделать следующий вывод: Россия представляет собой государство не просто неправоное и недемократическое, но и имитационное, т.е. такое, в котором источник и механизм реального бесправия граждан тщательно маскируется и охраняется авторитарным режимом.

Государство как корпорация

Между тем, проблема этого соотношения в отдельные моменты истории может оказаться решающей для судьбы всей цивилизации – как это показала история гитлеровской Германии и сталинского СССР. Поэтому важно при всей противоречивости этой проблемы «отсечь» заведомо негодные принципы реформирования государства, могущие привести к рецидивам тотальной античеловечности. Это вопрос приобретает особую остроту на нынешнем этапе существования государства Россия. Есть такой старый анекдот о том, как на военном предприятии решили сделать швейную машинку, а все равно получился пулемет... Российская государственность являет собой образ вот такого «военного завода», постоянно демонстрирующего во всех своих реформах колоссальную зависимость от своей исторической траектории, своей «колеи». Эту особенность отмечал еще русский мыслитель Георгий Федотов («Россия и свобода»**, 1945): «...Прошлое России как будто не дает оснований для оптимизма. В течение многих веков Россия была самой деспотической монархией в Европе. Ее конституционный – и какой хилый! – режим длился всего одиннадцать лет; ее демократия – и то скорее в смысле провозглашения принципов, чем их осуществления – каких-нибудь восемь месяцев. Едва освободившись от царя, народ, пусть недобровольно и не без борьбы, подчинился новой тирании, по сравнению с которой царская Россия кажется раем свободы. При таких условиях можно понять иностранцев или русских евразийцев, которые приходят к выводу, что Россия органически порождает деспотизм – или фашистскую «демотию» – из своего национального духа или своей геополитической судьбы; более того, в деспотизме всего легче осуществляет свое историческое призвание», – и последующая история лишней раз подтвердила эти наблюдения.

Крепостничество в сочетании с самодержавием – такова 500-летняя инварианта этой траектории, причем и развитие образования, и социально-экономический прогресс оказались бессильны против воспроизводства во всех отечественных модернизациях этих элементов деспотии.

Последняя модернизация, проводившаяся по западным лекалам, тоже не смогла вывести Россию из этой колеи, как можно судить и по крепостным «зонам», где принудительно отработывают наказание сотни тысяч жертв социально несправедливого «правового» государства, и по армии, конвертирующей традиционное бесправие военной службы в полуправильный рабский труд, и по миллионам гастарбайтеров, сознательно, «правовыми» методами удерживающимися в бесправном нелегальном состоянии с целью неограниченной эксплуатации. И это состояние тотального бесправия существенной части социума

поддерживается властной чиновничьей пирамидой во главе с «самодержцем» – президентом, воля которого не ограничена никакими противовесами.

Что же представляет собой нынешнее российское государство переходного периода, определенное нами ранее как «имитационное»? Автор современного вузовского учебника, обходя прямое отождествление (выходящее за рамки предмета), так описал этот феномен под рубрикой «Имитационное государство: научная гипотеза или социальный факт? Проблема формирования эффективного государства в современной России»: «Имитационным следует считать государство, деятельность и фактическая результативность которого противоречат его социальному предназначению... Имитационное государство стремится сохранить «имидж» цивилизованного государства, приверженность правовому демократическому государству. Внешние признаки такого государства закрепляются в национальных конституциях. Однако практическая деятельность государства имитирует их выполнение. Формальное разделение властей и деятельность государства свидетельствуют об имитации такого разделения, поскольку реальная власть концентрируется в руках элиты, чьи интересы представляет и реализует государство. Государственная воля, выраженная в законах или актах правительства, а зачастую через решения органов судебной власти, и есть воля элиты... Имитационное государство допускает принятие внешне демократических законов, выражающих не эти корпоративные интересы, а общую волю. Однако поскольку реальная власть (сила государства) принадлежит исполнительным структурам, это позволяет безболезненно блокировать действие таких законов, подменяя их актами исполнительных органов власти. Имитационное государство – это всегда государство корпоративное. Провозглашаемые им реформы носят декларативный (необязательный) характер. К тому же они полностью подчинены сохранению, упорядочению и развитию власти господствующей элиты. Борьба с преступностью, реформирование правоохранительных органов судебная реформа осуществляются в той ере, в какой это выгодно господствующему слою. /.../ В отличие от тоталитарного государства имитационное государство допускает деятельность демократических институтов, оппозиции, СМИ и т.д. Однако эти институты имитируют режим подлинной демократии, поскольку не затрагивают интересов элиты. /.../

Социальный вред имитационного государства очевиден: оно поставлено на службу узкому кругу людей, имеющих прямое или опосредованное отношение к власти имущим. Общая польза и общий интерес в деятельности такого государства носят исключительно декоративный характер. Задачей первостепенной важности административной реформы должно стать освобождение государственной системы от присущих ей качеств имитационного государства» – [Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2007. С. 117-118].

Понятно, что задача эта была изначально невыполнима именно в силу имитационной природы современной российской государственности. Как пишет в статье «Итоги года: Конец стабильности» д.э.н., директор Института проблем глобализации М. Делягин, «для перемен нужно иное государство. Правящая же нами бюрократия, эта новая, силовая олигархия, рассматривает Россию в лучшем случае как «трофейное пространство», и все надсадные разговоры о патриотизме в ее уста – не более чем ритуальная формула, предваряющая вывод в фешенебельные страны очередного кровавого миллиарда. Занятая переделом политических и коммерческих активов и все более мельчающими интригами, она органически не способна к управлению, и потому неминуемо опрокинет Россию в жестокий системный кризис, в котором и сгинет. Либо одна, либо вместе с Россией» – «Ежедневный журнал» (<http://ej.ru/?a=note&id=7683>). Анализ экономико-политических реалий современной России*** позволяет сделать вывод, что в настоящий момент власть в России представляет собой многоклановую корпорацию по эксплуатации выморочной собственности – земельных и других природных ресурсов этого «трофейного пространства».

Основной системной ценностью и мерой «служебного соответствия» этой корпорации является лично-клановая преданность в порядке подчиненности снизу доверху. Все присущие правовому государству «общественного договора» «обратные связи» влияния

общество на власть либо обрезаются (уничтожением свободных СМИ и независимого суда), либо имитируются подконтрольными структурами.

Характеристические признаки государства хотя и наличествуют, но за ними стоит иное реальное содержание. Так, хотя видимой целью правовой системы такого «государства» и является социальное регулирование, но совсем не в интересах общества, а в интересах легальной деятельностью властной корпорации по извлечению своей прибыли под вывеской «интересов государства», с которым эта корпорация себя отождествляет. Поэтому, то искажение в функционирование, вносимое корыстными управленцами, которое в обычном государстве называют «коррупция», в имитационном государстве является отражением реальных, а не декларативных, принципов управления.

Чтобы скрыть это обстоятельство, власть от имени государства регулярно воспроизводит разоблачительную риторику в адрес неведомых коррупционеров-бюрократов («Между тем сегодняшней госаппарат является в значительной степени забюрократизированной, коррумпированной системой...»****), хотя термином «коррупция» смешно называть явление с годовым объемом в 300 млрд долларов (оценка фонда ИНДЕМ), а «борьба» с этим явлением используется лишь для прикрытия межклановых «разборок».

Таким образом, связанность государства правом, являющаяся неотъемлемым свойством правового государства, в «государстве» имитационном является голой декларацией, прикрывающей отсутствие и права, и государства. Общество в таком «государстве» – это не субъект договора, а обременение эксплуатируемой собственности, свести издержки по которому необходимо всеми доступными корпорации средствами.

Понятно поэтому, что «социальный вред имитационного государства», о котором пишет автор цитированного выше учебника, – это не просто низведение социума до уровня «винтиков» государственного механизма, как это характерно для тоталитарного государства; это еще и объективное стремление к избавлению от этого обременения. Это – важный признак, отличающий имитационное «государство» от государств других типов, включая корпоративное (Италия периода Б. Муссолини) и тоталитарное (СССР): в последних власть и государство нераздельны в плане их геополитической судьбы, и население имеет ценность наряду с другими ресурсами, обеспечивая собственное обрабатывающее и сельскохозяйственное производства экономики мобилизационного типа. Паразитирующая же на «бренде» «государства» властная корпорация имитационного «государства», распределенная своими семьями, активами и недвижимостью по всему миру, не связывает с ним своей судьбы и потому спокойно относит население, не участвующее в процессе эксплуатации природных ресурсов, к издержкам производства. Общим же признаком у таких государств является широкое использование во взаимодействии с обществом неправовых, силовых методов, поскольку власть в них, несмотря на различную природу и цели, структурирована в форме административно-командной системы.

Заметим, что непонимание того обстоятельства, что административно-командная система имитационного «государства» направлена не на государственные, а на корпоративные цели, позволяет властям успешно эксплуатировать миф о «сильном государстве», выдавая мероприятия по присвоению все новых и новых материальных и правовых ресурсов (пресловутое «укрепление властной вертикали») как мероприятия по укреплению «российской государственности»...

Итак – сущность имитационного «государства», которое являет собой современная Россия, – это полная потеря внутренней связи между властью и обществом в сочетании с антагонизмом между псевдогосударственными корпоративными – и общечеловеческими ценностями.

От правового нигилизма – к утрате легитимности

К состоянию имитационного российское государство было приведено последовательным использованием в практике управления и, в частности, постсоветского реформирования, перехода от тоталитарного государства к правовому – принципа целесообразности –

источника и, одновременно, воплощения самой опасной патологии права – правового нигилизма.

Как уже говорилось, запись в первой статье Конституции РФ 1993 г. гласит о том, что Россия есть «демократическое» и «правовое» государство. Между тем, возглавляемая тогдашним президентом исполнительная ветвь власти, одной рукой выписывая эти декларации, другой рукой совершала вооруженный антиконституционный государственный переворот, сопровождаемый разгоном представительного органа народовластия. Это «кесарево сечение» современной российской государственности, произведенное на фоне «экономически целесообразных» массовых нарушений экономических прав граждан, связанных с фактическим присвоением государством их личных накоплений на счетах и частичным отказом от социальных обязательств, привело к фатальной «родовой травме»: в «сознании» произведенного на свет государственного организма на месте растоптанной естественноправовой доктрины – «души» будущего государства общественного договора – оказалась пустота... Реальное верховенство конституции – источник режима конституционной законности – было открыто перечеркнуто властью, призванной служить гарантом и реализатором заложенных в ней правовых и политико-экономических основ жизни общества. Эта пустота в сочетании с очевидным провалом «реформ», обнажившим напрасность понесенных народом жертв, создавала постоянную потребность в рутинном ее заполнении идеологическим суррогатом. Отсюда – многолетние тщетные поиски подходящей «национальной идеи», могущей якобы придать смысл выбранному направлению развития, – в то время как единственно возможным источником и условием этого развития должны была стать принесенная в жертву «целесообразности» естественноправовая основа формируемой правовой системы. В конце концов, компенсируя своего моральное, интеллектуальное и идейно-политическое банкротство, не позволившее создать в стране адекватную выбранной экономической модели, основанную на режиме конституционной законности, систему управления, власть избрала путь «манипулятивного управления» обществом – массового гипнотического воздействия на население средствами манипулятивных технологий, реализуемых через медиасреду – прежде всего, телевидение. Были изобретены и новые идеологемы очередного термидора: «управляемая», а затем – «суверенная демократия»...

Однако к интересам общества все эти новации уже не имели никакого отношения: изначальная дискредитация режима конституционной законности, безнаказанное, да еще и с одобрения властей демократических государств, надругательство над ним привели к такому принципу формирования аппарата государственной власти, при котором для вхождения в него не требовался ни развитый уровень правосознания, ни чувство законности, а одна лишь личная преданность патрону.

Клятвопреступление первого лица государства не только осталось безнаказанным, но многократно воспроизвелось в обыденных должностных клятвопреступлениях судей и прокуроров, ежедневно предающих законность и права граждан ради корыстной защиты интересов властной корпорации.

Традиционный правовой нигилизм (устойчиво-пренебрежительное отношение к праву) российского общества стал культивироваться в такой системе власти в форме установки на достижение результатов вне правовой оценки используемых средств. При этом форма такой оценки приняла чисто легистские формы, вне естественноправовых критериев, но путем толкования и применения права самой же властью, а институты гражданского общества, которые ставили своей целью этому помешать, – прежде всего, независимые СМИ и правозащитные НКО – упразднились и уничтожались.

Чтобы дать представление о том, как далеко разошлись пути власти и общества, сошлемся на результаты научного исследования, проведенного Лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН в 2002-2003 гг. Приведем выдержки из статьи О.А. Коленниковой «Кто нарушает и кто защищает права граждан – мнение жителей страны»: «Мы задали респондентам прямой и открытый вопрос:

“Кем в России чаще всего нарушаются права граждан?”... Все ответы мы сгруппировали и проранжировали по частоте упоминания (% от числа опрошенных). Итак, чаще всего нарушаются права граждан: Государством – 66 Правоохранительными органами – 26 Администрацией предприятия – 19 Преступниками – 7 Олигархами – 4 Работниками сферы услуг – 3

Как видно, главным виновником нарушения прав населения является государство и его правоохранные структуры... Некоторые специалисты полагают, что Россию можно назвать страной с рыночной экономикой на том основании, что российская законодательная база уже практически соответствует нормативным базам большинства западных стран. Но, судя по оценкам населения, высший государственный аппарат построил за годы реформ антиправовое государство, которое рассматривается населением как источник несправедливости в обществе... Например, по оценкам тех людей, которые в момент опроса организовывали свое дело, есть только 3 нарушителя прав граждан: 86% из них считают, что нарушителем является государство, 57% – что ими являются правоохранительные органы, 11% назвали бандитов. /.../

Полученные данные позволяют говорить о том, что в России нет эффективной системы защиты прав населения. 1/3 опрошенных считают, что в России никто не защищает права людей. /.../ ...Только 20% опрошенных считают, что государство защищает права граждан. Это неудивительно, потому что 2/3 опрошенных считают, что именно чиновники разного уровня нарушают их права. /.../

В целом можно говорить о дисфункции государства в сфере правопорядка, так как налицо не просто недоверие к государству в сфере наведения правопорядка, но и обвинение его в массовых нарушениях прав жителей. /.../

...В стране сложилось глубокое неравенство между высшими чиновниками и народом. Высший государственный аппарат создал своего рода механизм, защищающий его от народа»*****.

Все перечисленные обстоятельства позволяют говорить о том, что нынешняя российская власть полностью потеряла свою легитимность.

Понятие легитимности возникло в начале XIX в. и обозначало политическое движение во Франции, ставившее своей целью восстановление власти короля как единственно законной (в отличие от власти Наполеона Бонапарта). Легитимностью обозначают «признание законности существующих институтов власти и правомерности принимаемых ими решений со стороны общества». Это понятие отражает принятие власти населением страны, согласие с ее правом управлять обществом, применяя принуждение, подчиняться ей.

Основными признаками делегитимизации власти признаются следующие:

- противоречие между универсальными ценностями и эгоистическими интересами властвующей элиты;
- противоречие между идеей демократических свобод и социально-политической практикой силового разрешения конфликтов;
- рост бюрократизации и коррумпированности.

Именно эти противоречия, нараставшие в царской России с начала XX века, и привели к настолько полной утрате легитимности русским самодержавием, что 300-летняя империя, потеряв устойчивость от, казалось бы, локальной экономической нестабильности, похоронила эту власть под своими обломками, не решив, однако, проблемы выхода из самодержавного тупика. Эти же противоречия делегитимизировали постоттепельную бюрократическую власть СССР, разделившего судьбу царской империи, едва только власть попыталась ослабить хватку своего тоталитарного режима.

Утрата легитимности нынешней властью, позиционирующей себя в качестве собственника «энергетической сверхдержавы», делает страну заложницей конъюнктуры мировых рынков сырья и грозит ее народу новыми бедствиями.

Что дальше?

Имитационное «государство» не может быть долговечным – оно чрезвычайно быстро утрачивает свою легитимность и вряд ли переживет серьезное ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры. Появление такого государства на исторической сцене на месте с торжеством похороненного тоталитарного – это тревожный сигнал о постоянно существующей опасности общественного регресса и иллюзорности многих современных представлений о путях его предотвращения.

Обратясь к классикам, зафиксируем три давно известных, но так и не усвоенных истины, которых следовало бы придерживаться будущим реформаторам.

1. Государство с нелегитимной властью не является правовым независимо от качества установленного им нормативного права: «Вскоре самые лучшие законы превращаются в самые пагубные... В подобном положении тщетно нагромождают эдикты на эдикты, постановления на постановления: все это приводит лишь к появлению новых злоупотреблений, не исправляя прежних. Чем больше умножаете вы число законов, тем большее презрение вы к ним вызываете, и все надзиратели, которых вы ставите, – это лишь новые нарушители, которые поставлены делиться с прежними или грабительствовать отдельно. Вскоре наградою венчают не добродетели, а разбой; самые подлые люди пользуются наибольшим доверием; чем выше они поднимаются, тем большее презрение к себе вызывают; самые их почетные звания кричат об их подлости, и их позорят сами эти почести» – [Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре. Трактаты. – М.: КАНОН-Пресс, 1998. С. 166].

2. Экономическое и политическое моделирование государства «общественного договора» может быть успешным только при достаточном уровне правосознания общества: «...Наступление зрелости у народа не всегда легко распознать; если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал. Один народ восприимчив уже от рождения, другой не становится таковым и по прошествии десяти веков» – [Там же, с. 235].

3. Правосознание общества способно на обратную реакцию по отношению к направленным на его развитие реформам, поскольку управление им является задачей, равносильной управлению «исторической траекторией» нации: «Подобно архитектору, который, прежде чем воздвигнуть большое здание, обследует и изучает почву, чтобы узнать сможет ли она выдержать его тяжесть, мудрый законодатель не начинает с сочинения законов, самых благих самих по себе, но испытует предварительно, способен ли народ, которому он их предназначает, их выдержать» – [Там же, с. 233].

* Опрос общественного мнения был выполнен по заказу Радио Свобода сотрудниками Аналитического Центра Юрия Левады при участии компании InterMedia Survey Institute, США с 18 по 22 января 2008 года... Статистическая ошибка данных не превышает $\pm 1,7\%$ (<http://www.svobodanews.ru/Article/2008/02/05/20080205142922043.html>).

** Г.П.Федотов, «Судьба и грехи России», том 2, Санкт-Петербург, > Издательство «София», 1992, с.276-303.

*** См., например: Б. Немцов, В. Милов. Независимый экспертный доклад «Путин. Итоги». – М.: Новая газета, 2008.

**** Из речи президента Путина на расширенном заседании Госсовета. – Российская газета. 09.02.2008.

***** Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Ред.-сост. Р.В. Рывкина. М.: Референдум, 2003. (Сер. «Теоретические проблемы прав человека» Вып. 3.). С. 503-511.